

Все наше внимание направлено на опасные
крайности всего сущего,
На честного вора, на милостивого убийцу,
На западного суеверного атеиста.

Роберт Браунинг. Доклад отца Блуграма

Политика в литературном произведении груба,
как пистолет, который стреляет посреди кон-
церта, но это то, чем мы не можем пренебречь.
А теперь мы будем говорить об отвратитель-
ных вещах...

Стендаль. Пармская обитель

Уничтожьте народ, истребите, заставьте его
молчать. Потому что просвещение Европы го-
раздо важнее народа.

Достоевский.

Из черновиков к роману «Братья Карамазовы»

Европеец во мне утратил покой.

Джозеф Конрад. Глазами Запада

1

Безмолвие снега

Поездка в Карс

«Безмолвие снега», — думал человек, сидевший за спиной шофера в автобусе. Если бы это было началом стихотворения, он назвал бы безмолвием снега то, что он чувствовал.

На автобус, который должен был отвезти его из Эрзурума в Карс, он успел в последнюю минуту. Он добрался до автовокзала в Эрзуруме после двухдневного пути из Стамбула сквозь снег и ураган, и, когда, бродя с сумкой в руках по грязным и холодным коридорам, попытался узнать, откуда отправляется автобус, который отвезет его в Карс, какой-то человек сказал, что автобус отходит с минуты на минуту.

Помощник водителя в старом «магирусе», на который он все-таки успел, сказал: «Мы торопимся», потому что не хотел опять открывать багажник, и путешественнику пришлось взять с собой в автобус большую вишневого цвета дорожную сумку фирмы «Балли» — теперь он сидел у окна, поставив ее между ногами. На нем было толстое пальто пепельного цвета, купленное лет пять назад во Франкфурте, в магазине сети «Кауфхоф». Сразу скажем, что в те дни, которые он проведет в Карсе, это прекрасное, невероятно мягкое пальто станет для него источником смущения и беспокойства, но в то же время будет дарить ему чувство уверенности.

Автобус отправился в дорогу, и, в то время как сидевший у окна путешественник, словно надеясь увидеть что-то новое, во все глаза рассматривал окраинные кварталы Эрзурума, крошечные нищие бакалейные лавки, пекарни и помещения ветхих кофеен, пошел снег. Этот снег был гуще и крупнее

того, что сыпал по пути из Стамбула до Эрзурума. Если бы путешественник, сидевший у окна, не устал так в дороге и внимательнее посмотрел бы на огромные снежинки, планирующие с неба, как птичьи перья, он смог бы почувствовать, что приближается сильный буран, и, возможно, вернулся бы назад, поняв, что отправляется в путешествие, которое изменит всю его жизнь.

Но ему и в голову не пришло вернуться. Он смотрел на небо, которое, когда начало вечереть, стало светлее земли, и видел кружащиеся на ветру снежинки, становившиеся все крупнее, — но они казались ему не предвестниками приближающейся беды, а возвратившимися наконец знаками счастья и чистоты из далекого детства. Неделю назад путешественник, сидевший у окна, впервые за двенадцать лет вернулся в город, где провел годы детства и где был счастлив. Он вернулся в Стамбул из-за смерти матери, пробыл там четыре дня, а потом отправился в эту совершенно случайную поездку в Карс. Он чувствовал, что этот сверхъестественно красивый снег делает его счастливым даже больше, чем Стамбул, который удалось увидеть впервые за долгие годы. Он был поэтом и много лет назад в одном стихотворении, малоизвестном турецкому читателю, написал, что даже и во сне однажды в жизни можно увидеть, как идет снег.

Снег шел — медленно и безмолвно, как во сне, — и путешественника, сидевшего у окна, наполнило чувство чистоты и безгрешности, которое он годами страстно искал, и он радостно поверил в то, что сможет не чувствовать себя в этом мире чужим. Спустя какое-то время он сделал то, чего не делал давно и что ему даже не приходило в голову, — просто заснул в кресле.

Давайте тихонько расскажем о нем, воспользовавшись тем, что он спит. Вот уже двенадцать лет, как он жил в Германии политическим изгнанником, хотя политикой особенно никогда не интересовался. Главной его страстью была поэзия, занимавшая все его мысли. Ему было сорок два года, он никогда не был женат. Пока он сидел, скрючившись в кресле, этого было не заметно, но для турка он был довольно высокого роста, у него была светлая кожа, в дороге ставшая

еще бледнее, и светло-каштановые волосы. Он был застенчив, ему нравилось одиночество. Если бы он знал, что, уснув, через какое-то время из-за тряски в автобусе уронит голову на плечо соседа, а затем себе на грудь, он очень смутился бы. Путешественник, навалившийся всем телом на соседа, был человеком добросердечным, справедливым, порядочным и оттого печальным, подобно нерешительным и неудачливым в личной жизни персонажам Чехова. Позже мы часто будем возвращаться к теме печали. Сразу скажу, что путешественника, который, как я понимаю, не сможет долго спать в такой неудобной позе, звали Керим Алакушоглу, однако ему совсем не нравилось это имя, и он предпочитал, чтобы его звали Ка¹ — по первым буквам имени и фамилии: в этой книге я буду звать его так же. Еще в школе наш герой отваживался упрямо подписывать контрольные и экзаменационные работы «Ка», затем в университете писал «Ка» в ведомости посещаемости и из-за этого всегда конфликтовал с учителями и чиновниками. Поскольку он приучил свою мать, свою семью и своих друзей к этому имени и под этим именем выходили книги его стихов, то в Турции и среди турок, живущих в Германии, за именем Ка закрепилась негромкая загадочная слава. Подобно шоферу, который, отъехав от автовокзала в Эрзуруме, пожелал пассажирам счастливого пути, я тоже сейчас скажу: «Счастливого пути, дорогой Ка...» — но я не хочу вводить вас в заблуждение, я старый приятель Ка и знаю, что случится с ним в Карсе, еще не начав рассказывать об этом.

После Хорасана автобус повернул на север, к Карсу. Когда на одном из спусков дороги, которая петляла, то поднимаясь, то спускаясь, шофер резко затормозил перед внезапно показавшейся телегой, Ка сразу проснулся. Много времени не понадобилось, чтобы влиться в атмосферу братства и единства, сложившуюся в автобусе. Всякий раз, когда авто-

¹ Существует некая символическая связь между именем героя Ка, снегом (по-турецки «каг»), который идет на протяжении всего романа, и местом действия — городом Карсом; кроме того, «герой», «персонаж» по-турецки «kahraman», в сокращенном варианте — Ка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

бус сбрасывал скорость на повороте или на краю обрыва, Ка, как и пассажиры, сидевшие сзади, тоже вставал, чтобы лучше рассмотреть дорогу, хотя и сидел сразу за водителем: показывал пропущенные, непротертые места пассажиру, который из огромного желания помочь шоферу протирал запотевшее лобовое стекло, хотя помощь Ка не замечали; а когда снежная буря усиливалась и вытирать моментально белеющее лобовое стекло не успевали, Ка пытался понять, в какую сторону тянется шоссе, которого теперь совсем не было видно.

Дорожных знаков тоже не было видно, потому что их совсем замело. Когда буря разыгралась не на шутку, водитель выключил дальний свет, и дорогу в полумраке стало видно лучше, а в автобусе стало темно. Испуганные пассажиры, не разговаривая друг с другом, смотрели на заснеженные улочки маленьких бедных городков, на тусклый свет в ветхих одноэтажных домах, на невидные теперь ведущие к деревням дороги и на пропасти, освещенные бледными огнями. Если они и разговаривали, то шепотом.

Сосед по креслу, в объятия которого упал, заснув, Ка, точно так же шепотом спросил у него, зачем он едет в Карс. Легко было понять, что Ка не из Карса.

— Я журналист, — прошептал Ка.

Это было неправдой.

— Я еду писать про муниципальные выборы и женщин-самоубийц.

Это было правдой.

— Все стамбульские газеты писали об убийстве мэра Карса и о самоубийствах женщин, — сказал сосед. В его голосе слышалось сильное чувство — не то гордости, не то смущения, Ка не смог понять.

Время от времени Ка разговаривал с этим худым симпатичным крестьянином, которого вновь встретит через три дня в Карсе, когда будет плакать на засыпанном снегом проспекте Халит-паши. Ка узнал, что мать крестьянина увезли в Эрзурум, поскольку в больнице Карса не было возможности ей помочь, что тот держит скот в одной из деревень вблизи Карса, что они еле-еле сводят концы с концами, однако он не ропщет, а также узнал, что (по загадочным причинам, кото-

рые он не смог объяснить Ка) он расстраивается не из-за себя, а из-за своей страны и что он рад, что такой образованный человек, как Ка, приехал из самого Стамбула, чтобы узнать о бедах Карса. В его чистой речи, в том, как степенно он разговаривал, чувствовалось некое вызывающее уважение благородство.

Ка показалось, что присутствие этого человека дает ему ощущение покоя. Он вспомнил чувство, которое не испытывал за двенадцать лет своей жизни в Германии, с тех самых пор, как в последний раз имел возможность радоваться тому, что понимает человека слабее себя и сочувствует ему. В такие минуты он старался смотреть на мир глазами этого человека, которого сейчас любил и которому сострадал. Подумав об этом, Ка понял, что почти не боится нескончаемой снежной бури, что они не упадут в пропасть и что пусть с опозданием, но автобус все-таки доедет до Карса.

Когда в десять вечера, опоздав на три часа, автобус въехал на заснеженные улицы Карса, Ка совсем не узнал город. Он не мог понять, где здание вокзала, которое появилось перед ним однажды весенним днем двадцать лет назад, когда он приехал сюда на паровозе; где отель «Джумхуриет»¹, к которому таксист подвез его, покружив сначала по всему городу, и в котором каждый номер был с телефоном. Под снегом все словно стерлось, как будто исчезло. Несколько запряженных лошадьми телег, ожидавших на автовокзале, напоминали о прошлом, однако город выглядел еще более печальным и бедным, чем двадцать лет назад, каким его запомнил Ка. Сквозь заледеневшие окна автобуса Ка видел блочные жилые дома и пластиковые панно, из-за которых в последние десять лет все города Турции стали похожими друг на друга, и флажки с предвыборной рекламой, развешанные на веревках, натянутых поперек улицы.

Как только он вышел из автобуса и коснулся ногами невероятно мягкого снега, под брюки потянуло резким холодом. Когда Ка выяснял, как пройти к отелю «Кар-палас»²,

¹ «Республика».

² «Снежный дворец».

номер в котором он забронировал из Стамбула по телефону, он увидел знакомые лица среди пассажиров, забравших свои чемоданы у помощника водителя, но снег мешал вспомнить, кто это.

В закусочной «Йешил-юрт»¹, куда он пошел после того, как разместился в отеле, он вновь увидел этих людей. Усталый, потрепанный жизнью, однако все еще привлекательный мужчина и полная, но подвижная женщина, видимо спутница его жизни. Ка помнил их по Стамбулу и по театральным постановкам семидесятых, переполненным политическими лозунгами. Мужчину звали Сунай Заим. Рассеянно глядя на них, он понял, что женщина похожа на его одноклассницу из начальной школы. У других мужчин за столом кожа была такой же мертвенно-бледной, что свойственно актерам. Что делала эта маленькая театральная группа снежной февральской ночью в богом забытом городе? Перед тем как выйти из этой закусочной, которую двадцать лет назад посещали служащие в галстуках, Ка показалось, что за другим столом он увидел еще одного героя воинствующих леваков из семидесятых годов. Но воспоминания Ка тоже, казалось, стерлись, будто засыпанные снегом, как и обедневший и поблекший Карс, и закусочная.

Почему на улицах так пусто — из-за снега или, может, на этих замерзших мостовых вообще никогда никого не было? Ка внимательно прочитал предвыборную рекламу на стенах, объявления закусочных и учебных курсов, а также недавно повешенные губернской администрацией плакаты, порицающие самоубийство: «Человек — шедевр Аллаха, самоубийство — кощунство». Затем Ка увидел группу мужчин, смотревших телевизор в наполовину заполненной чайной с заледневшими окнами. Вид старых, построенных еще русскими каменных зданий, благодаря которым Карс представлялся Ка особенным, не похожим на другие городом, пусть ненадолго, но успокоил его.

Одним из элегантных русских зданий в петербургском стиле был и двухэтажный отель «Кар-палас» с узкими вы-

¹ «Зеленая страна».

сокими окнами. Чтобы попасть внутрь, нужно было пройти через арку, ведущую во двор. Когда Ка проходил под сводами построенной сто десять лет назад арки, достаточно высокой, чтобы здесь могли проезжать телеги, он почувствовал неясное волнение, однако он так устал, что даже не задумался об этом. Скажем все-таки, что это волнение было связано с одной из причин, по которой Ка приехал в Карс: три дня назад в Стамбуле, зайдя в редакцию газеты «Джумхуриет», он повстречал там друга молодости Танера, который сказал, что в Карсе будут выборы мэра, к тому же девушки в этом городе заразились странной болезнью совершать самоубийства, совсем как в Батмане, и предложил ему поехать в Карс, чтобы написать об этом. Он сказал также, что никто не рвется писать на эту тему, а если Ка по прошествии двенадцати лет хочет увидеть и узнать настоящую Турцию, то ему выдадут временное журналистское удостоверение, и добавил, что в Карсе находится их университетская приятельница, красавица Ипек¹. Они с Мухтаром расстались, и теперь она живет в отеле «Кар-палас» со своим отцом и сестрой. Слушая Танера, ныне политического обозревателя «Джумхуриет», Ка вспомнил, какой Ипек была красавицей.

Получив ключ от двести третьего номера у портье по имени Джавит, который сидел и смотрел телевизор в вестибюле с высоким потолком, Ка поднялся на второй этаж, заперся в номере и только тут почувствовал себя спокойнее. Он внимательно прислушался к себе: нет, опасения, которые мучили его в дороге, не оправдались и ни его разум, ни сердце не были заняты вопросом, есть в отеле Ипек или нет. Он смертельно боялся влюбиться — об этой опасности его предупреждал инстинкт человека, все немногочисленные любовные истории в жизни которого не приносили ему ничего, кроме боли и стыда.

В полночь, надев пижаму, перед тем как лечь в постель в своем темном номере, Ка слегка раздвинул занавески и долго смотрел, как за окном, не останавливаясь, большими хлопьями падает с неба снег.

¹ Шелк.

2

Наш город — спокойное место*Окраинные кварталы*

Снег, скрывающий грязь, слякоть и темноту города, позволяющий забыть о них, всегда будил в Ка чувство духовной чистоты, но в первый же день, проведенный в Карсе, он утратил это навеянное снегом чувство безгрешности. Здесь снег был утомительным, наводил тоску и страшил. Снег шел всю ночь. Пока утром Ка бродил по улицам, сидел в кофейнях, заполненных безработными курдами, пока он, словно жаждущий информации журналист, встречался с избирателями (с ручкой в руке) или карабкался по обледенелым крутым дорогам в бедных кварталах, встречался с бывшим мэром, с заместителем губернатора и родственниками девушек-самоубийц, снег шел, не прекращаясь. Виды заснеженных улиц, которые в детстве, из окна их надежного дома в Нишанташи¹, казались ему частью какой-то сказки, сейчас уже много лет как представлялись ему той границей, где начиналась жизнь среднего класса, о которой он мечтал многие годы как о последнем прибежище, и в то же время за этой границей лежала безнадежная бесконечная нищета, которую ему не хотелось даже представлять себе.

Утром, когда город еще только просыпался, он, не обращая внимания на снег, быстрым шагом двинулся от проспекта Ататюрка² вниз, в кварталы «геджеконду»³, самые бедные в Карсе, по направлению к кварталу Кале-Ичи. Быстрым шагом проходя под заснеженными платанами и дикими маслинами, Ка смотрел на старые обветшалые русские дома, из окон которых наружу высовывались печные трубы, на снег, падающий сквозь пролом в куполе пустующей армянской церкви, построенной тысячу лет назад и возвышающейся

¹ Один из фешенебельных районов Стамбула.

² *Мустафа Кемаль Ататюрк* — основатель и первый президент (1923–1938) Турецкой Республики.

³ Самые бедные кварталы турецких городов, дословно — «лачуги, незаконно построенные за одну ночь».

между дровяными складами и электрическим трансформатором; он смотрел на задиристых собак, лаявших на каждого проходившего по построенному пятьсот лет назад каменному мосту через скованную льдом речку Карс, на тоненькие струйки дыма, подымавшиеся от крохотных лачуг в квартале Кале-Ичи, которые под снегом казались совсем пустыми и заброшенными; и ему стало так грустно, что на глаза навернулись слезы. Двое ребятишек, мальчик и девочка, отправленные рано утром на противоположный берег реки к пекарне, прижимали к себе горячие хлебы и, подталкивая друг друга, так счастливо пересмеивались, что Ка тоже улыбнулся им. С такой силой на него действовала не бедность и не безысходность, а странное и сильное чувство одиночества, которое впоследствии он все время будет ощущать повсюду в городе, глядя в пустые витрины фотомастерских, в задевевшие окна чайных, битком набитых играющими в карты безработными, и на безлюдные заснеженные площади. Слово это было позабытое всеми место, и снег безмолвно падал на самый край света.

Утром судьба Ка начала складываться удачно: его встретили как известного стамбульского журналиста, он всем был интересен и каждый хотел пожать ему руку. Все — от заместителя губернатора до последнего бедняка — открывали ему двери и говорили с ним. Жителям Карса Ка представил Сердар-бей, издатель газеты «Серхат шехир»¹, выходящей тиражом триста двадцать экземпляров. Некогда Сердар-бей отправлял в «Джумхуриет» сообщения о местных новостях (большинство из которых не печатали), так что в Стамбуле ему дали прозвище Наш Собственный Корреспондент. Утром, выйдя из отеля, Ка первым делом разыскал этого старого журналиста (столкнулся с ним в дверях редакции его газеты) и сразу понял, что тот знаком со всем Карсом. Сердар-бей первым задал вопрос, который Ка зададут еще сотню раз за те три дня, что он проведет в этом городе.

— Добро пожаловать в наш приграничный город! Что вас сюда привело?

¹ «Приграничный город». Карс расположен недалеко от границы.

Ка сказал, что приехал наблюдать за выборами и, возможно, написать статью о девушках-самоубийцах.

— Слухи о самоубийцах преувеличены, как и в Батмане, — ответил журналист. — Давайте сходим к Касым-бею, заместителю начальника службы безопасности. Как бы то ни было, там должны знать о вашем приезде.

Это был обычай, сохранившийся в провинциальных городках с сороковых годов: каждый приезжий, будь он даже журналистом, должен явиться в полицию. Ка не стал возражать, поскольку был политическим эмигрантом, вернувшимся на родину спустя многие годы, а также потому, что, пусть об этом и не говорили вслух, вокруг ощущалось присутствие партизан из РПК¹.

Под медленно падающим снегом они прошли через овощной рынок, по проспекту Казыма Карабекира², где расположились ряды торговцев скобяным товаром и запчастями, мимо чайных, где печальные безработные смотрели в телевизор или на падающий снег, мимо молочных лавок, где были выставлены огромные круги овечьего сыра, и за пятнадцать минут вдоль и поперек обошли весь город.

В одном месте Сердар-бей остановился и показал Ка угол, на котором застрелили прежнего мэра. Поговаривали, что он был убит из-за какого-то пустякового дела, из-за того, что где-то обрушился незаконно пристроенный балкон. Убийца был взят вместе с оружием через три дня после совершенного, на сеновале своего дома в деревне, куда он сбежал после преступления. За эти три дня успело появиться столько сплетен, что сначала никто не поверил, что именно этот человек совершил преступление, а настолько глупая причина убийства всех разочаровала.

Управление безопасности Карса находилось в длинном трехэтажном здании, вытянувшемся вдоль проспекта Фаик-бея, где стояло немало старинных каменных домов, которые когда-то принадлежали богатым русским и армянам, а затем

¹ Рабочая партия Курдистана.

² *Казым Карабекир* — сподвижник Ататюрка, командующий Восточным фронтом в годы освободительной войны.

Оглавление

1. Безмолвие снега	9
2. Наш город — спокойное место	16
3. Голосуйте за партию Аллаха.	25
4. Ты и в самом деле приехал из-за выборов и самоубийств? . . .	40
5. Учитель, можно я спрошу?	48
6. Стихи, вера и любовь	57
7. Исламисты — так нас называют сторонники светского общества и западного образа жизни	67
8. Самоубийство — большой грех	79
9. Простите, вы атеист?	92
10. Почему это стихотворение красиво?	99
11. В Европе другой Бог?	107
12. Если Аллаха нет, то какой смысл в том, что бедняки так страдают?	114
13. Я не буду обсуждать свою веру с атеистом.	122
14. Как вы пишете стихи?	129
15. У каждого из нас есть что-то, чего мы хотим больше всего в жизни.	144
16. Место, где нет Аллаха	154
17. «Родина или платок»	161
18. Не стреляйте, ружья заряжены!	168
19. Как же прекрасно падал снег	178
20. Да здравствует страна и нация!	185
21. Но я никого из них не знаю	196
22. Именно такой человек должен играть Ататюрка	206

23. Аллах справедлив настолько, что знает — дело не в проблеме разума и веры, а в проблеме жизни в целом	221
24. Я, Ка	234
25. Единственное время свободы в Карсе	242
26. Причина нашей привязанности к Аллаху не в нашей нищете	249
27. Потерпи, доченька, из Карса идет подмога	263
28. О том, что отделяет любовь от боли ожидания	272
29. О том, чего во мне не хватает	276
30. Когда мы встретимся вновь?	290
31. Мы не дураки, а только бедные	294
32. Я не могу быть собой, когда у меня две души	314
33. Безбожник в Карсе	325
34. Да и Кадифе не согласится	338
35. Я не являюсь ничьим агентом	352
36. Ведь вы же не умрете на самом деле?	365
37. Единственная тема этого вечера — волосы Кадифе	378
38. Мы ни в коем случае не хотели вас огорчать	390
39. Удовольствие плакать вместе	399
40. Шпионить на две стороны, должно быть, трудно	412
41. У каждого есть своя снежинка	416
42. Я соберу свой чемодан	424
43. Женщины убивают себя из гордости	433
44. Сегодня здесь никто не любит Ка	449